

М. Ю. Лачаева

**Два премьеры: С. Ю. Витте о П. А. Столыпине,
Аграрной реформе и революции**

Проанализированы характеристики, данные С. Ю. Витте П. А. Столыпину. Они раскрывают субъективные параметры оценок виднейшим представителем российской элиты накануне революции и в период первой российской революции; позволяют оценить ее качество, поведенческие стратегии, культурный капитал и реформационный потенциал. В них проявляется действие механизмов контроля успеха индивидов, объемов ограничения их желаний и устремлений, в том числе и в сфере аграрной политики.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, аграрная политика, революция, землеустройство.

Я понял Столыпина.
С. Ю. Витте

На время «премьерства» С. Ю. Витте и П. А. Столыпина выпала сложная борьба в годы первой российской революции. Сергей Юльевич, первый в отечественной истории председатель объединенного правительства, облеченный полномочиями премьера, в отличие от Петра Аркадьевича мог позволить себе обосновывать свою позицию письменно, в частности в воспоминаниях, а также подчеркивать собственные преимущества в качестве государственного деятеля уже в отсутствие соперника. Будучи старше Столыпина (1862—1911) на 13 лет, Витте (1849—1915) пережил его на четыре года. Витте застал тяжелое начало Первой мировой войны и дожил до вынужденного прекращения в условиях войны и мобилизации землеустроителей проводимой Аграрной реформы, а также внесенных военными событиями изменений в хозяйственную жизнь страны. Той реформы, необходимость осуществления которой в России была очевидна и для Витте, и для Столыпина.

Участие С. Ю. Витте в подготовке Аграрной реформы, позднее проведенной П. А. Столыпиным и получившей имя последнего, в историографии не оспаривается. До массовых выступлений крестьян в 1902 г. Витте участвовал в обсуждении мероприятий Аграрной реформы в качестве министра финансов. Он возглавил Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, указ о котором был подписан 22 января 1902, то есть семь дней спустя после утверждения императором Николаем II Редакционной комиссии МВД по пересмотру законоположений о крестьянах. В литературе речь идет о степени и формах участия Витте в подготовке Аграрной реформы и, конечно, о его взглядах. Сам Витте, и это хорошо известно, подчеркивал свою особую роль в подготовке реформы и никак не мог согласиться с тем, что ее называли «Столыпинской», о чем и писал в воспоминаниях.

В основе неприязненных, уничижительных характеристик Витте, данных им Столыпину и его политическим действиям, лежала утрата власти самим Витте и его высокая самооценка недооцененного человека, «решавшего за всю Россию». Данное обстоятельство в большей степени, чем так называемые инсинуации по отношению к нему Столыпина, к которым тот прибегал, как предполагал Витте, «при своих докладах по полицейской части», определяло неприязненный характер отношений между двумя политиками.

Вместе с тем болезненность восприятия Витте инициативы разработки крестьянского вопроса и его реализации помимо личной властности и амбициозности была вызвана традиционным соперничеством по этому поводу между Министерством финансов и Министерством внутренних дел, что достаточно подробно освещено в источниках и литературе [1; 2, с. 111; 3; 4]. Наиболее обстоятельно проблема преувеличения роли и значения С. Ю. Витте в выработке и проведении аграрной политики изучена В. Г. Тюкавкиным [5]. Постоянный интерес к двум выдающимся деятелям императорской России со стороны современников, а позднее и исследователей, проявляется, в том числе и в сопоставлении их позиций. Начало данной традиции положил еще С. Ю. Витте [6, с. 71—74].

Витте неоднократно искажал позицию Столыпина. Так, в противовес собственной конституционной политике (премьер Витте видел два пути выхода («исхода») из революции: диктатура или конституция, но последняя представлялась ему предпочтительнее) он характеризовал казни при Столыпине как «бессмысленное убийство по недоразумению». По мнению Витте, Столыпин «водворял так называемый конституционный порядок» [7, с. 39], казнил «совершенно зря», преследовал печать, перлюстрировал частные письма и читал их, вследствие чего в период его министерства совсем не случайно Азеф играл «особо выдающуюся роль» [7, с. 370]. Там, где Витте вспоминал имя покойного Столыпина, он не мог оставаться равнодушным:

Столыпин по соображениям личным, не будучи в состоянии уничтожить 17 октября 1905 г., постепенно его коверкал и коверкал в направлении политического распутства [7, с. 199].

В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда... развратил прессу, развратил многие слои общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент [8, с. 559].

Витте обвинял уже погибшего Столыпина:

... насколько мне известно, со слов министра финансов и нынешнего председателя Совета министров [В. Н. Коковцов], Столыпин и его ближайший помощник по делам полиции Курлов тратили на свои нуж-

ды, или на свое представительство, уже не 50000, а сотни тысяч. Это было одним из последствий так называемого конституционного порядка, который водворил Столыпин [8, с. 38—39].

Витте не мог не знать, что указ о введении военно-полевых судов и программу реформ Столыпин опубликовал в один день — 25 августа 1906 г. И данное обстоятельство не случайно, поскольку премьер Столыпин считал, что надо подавлять революцию и проводить реформы одновременно. Слова «обновление России» и «модернизация» в устах Столыпина были синонимами.

Витте старался доказать и создать впечатление у потомков, что ничего нового правительством Столыпина по сравнению с его, Витте, инициативами сделано не было. Министерство Столыпина лишь воспользовалось работами, проводимыми под руководством Витте. По его мнению вся «новизна» нового премьера состояла в незаслуженном приписывании себе чужой славы (читай, славы Витте), или в извращении смысла задуманного тем же Витте, и ограничении рамок уже начатого им.

Аграрный вопрос вызывал наибольшую критику со стороны Витте, который подчеркивал свое участие в проекте графа А. А. Голенищева-Кутузова, поэта и управляющего Дворянского и Крестьянского банков в 1889—1895 гг., находившихся под эгидой Министерства финансов, возглавляемого Витте, о предоставлении дворянам возможности «нормальной продажи земли и не кому иному, как крестьянам» [8, с. 518].

Витте разъяснил мотивацию своих действий: этим путем он хотел «содействовать увеличению крестьянского землевладения» [9, с. 416]. И ставил себе в заслугу то, что этот «проект, хотя и с некоторыми ограничениями, получил утверждение», несмотря на противодействие со стороны И. Н. Дурново и В. К. Плеве. Витте считал достойным внимания, что эта мера, которую, по его словам, «всячески старались ограничить и даже уничтожить, являлась базисом аграрной политики правительства после начала революции (1905 г.)» [7, с. 518]. Что же касается Столыпина и его министерства, то, по мнению Витте, они «в этом только и усматривают разрешение аграрного вопроса. Но, как всегда бывает в подобных случаях, мера эта, не развитая вовремя, явилась уже запоздалой. Начали требовать принудительного отчуждения, а самые крайние — просто конфискации» [10].

Витте был непричастен к землеустройству, не оценил этой идеи и недооценил значение землеустройства как качественного нового

момента в проведении аграрной политики, возможностей и роли землеустройства при переходе от общинной собственности на землю к личной собственности. Не следует искать у Витте информации о том, что именно Столыпин в январе 1909 г. впервые назвал землеустройство новым этапом в проведении аграрной политики. Новому времени государственной властью предлагались новые решения.

В свое время Витте был сторонником отмены круговой поруки, введения паспортной системы, то есть мер, которые подтачивали систему общинного землевладения, хотя сам долгое время защищал общину.

Новое землеустройство, сторонником которого был Столыпин и которое позднее проводил А. В. Кривошеин, выводило аграрные преобразования на качественно иной уровень. Предлагалось осуществить землеустройство без чересполосицы, мелкополосицы, дальнотелья, другими словами, без тех основных недостатков общинного землевладения, которые негативно влияли на хозяйственную жизнь крестьян. Таким образом, принципиально новая землеустроительная политика, а не ликвидация общины, превращалась в центральное звено преобразований. В вопросе о землеустроительной политике «государственным взглядом», которым, по мнению Витте, должен непременно обладать министр, а тем более председатель правительства, Столыпин обладал в полной мере. За Столыпина Витте (уже после смерти последнего) ответил В. И. Гурко, ставший при Столыпине товарищем министра внутренних дел и посвятивший Сергею Юльевичу главу в своих воспоминаниях.

Гурко отметил, что «в основе отношений Витте к людям было глубокое презрение к человечеству» [1, с. 49]. Не отказывая ему в «смелости, решительности и широте творческого размаха», мемуарист обращал внимание читателей на то, что «целые области государственной жизни остались для Витте до конца его дней совершенно неизвестными и даже недоступными его пониманию» [1, с. 53].

Гурко искал разгадку отношения Витте к земледелию, а тем более к рентному сельскому хозяйству в промышленных приоритетах концепции Сергея Юльевича, он писал:

Не будучи само по себе, ни при каких условиях, источником накопления свободных капиталов, сельское хозяйство в случае своего процветания, то есть при поглощении большего количества труда и высокой оплате этого труда, могло явиться серьезным тормозом для развития нашей фабрично-заводской промышленности [1, с. 57].

В статусе «государственного деятеля» Гурко Витте отказал, в том числе и потому, что «нравственной брезгливости у Витте и следа не было, а преследуемые им государственные цели как-то органически переплетались с целями личными, из которых основными были удовлетворение безграничного властолюбия и весьма развитого, иногда даже мелочного, честолюбия» [1, с. 64].

В лице Столыпина, а затем Кривошеина власть бралась за аграрные преобразования с целью преодолеть архаичное землеустройство и, как его следствие, низкую эффективность крестьянских хозяйств. Столыпин поставил вопрос о прямой зависимости могущества российского государства от благополучия ее основного населения, которое тогда составляло общинное великорусское крестьянство. Улучшение экономического положения крестьянства премьер Столыпин при жизни считал безотлагательной государственной социально-экономической и политической задачей [5].

Возможности ответить на обвинения Витте у погибшего Столыпина не было, однако созданный в воспоминаниях Витте образ Столыпина оказал глубокое влияние на последующие изображения Столыпина, а также суждения о нем и его политике, особенно в советской исторической литературе. Незамеченным осталось другое — засеянные С. Ю. Витте в тексте воспоминаний более чем на 200 страницах упоминания о П. А. Столыпине складываются в удивительно целостную картину, но созданный мемуаристом портрет передает в большей мере черты художника, чем образ представленного на полотне лица. По числу упоминаний в воспоминаниях Витте имя Столыпина уступает только императорам Александру III и Николаю II. Субъективные параметры оценок, данных Витте российской элите кануна революции и периода первой российской революции, позволяют характеризовать ее качество, поведенческие стратегии, культурный капитал и реформационный потенциал. Показано действие механизмов контроля успеха индивидов, объемов ограничения их желаний и устремлений.

Отсутствие понимания возможностей и значения землеустроительной политики и ее реформационного потенциала, а также сосредоточенность на собственных достоинствах явились почвой для следующего объяснения эволюции менталитета русского крестьянства и характеристики вех, послуживших его изменению. С известным лукавством Витте писал:

Если что в России происходило дурного (даже и Японская война, которая, как гром, разразилась над Россией), то простой народ, особенно крестьянство, никогда государя в этом не винил. Они не могли себе представить, что государь может быть в чем-либо виновен, а если и есть виновные — его советчики, все те же дворяне различных категорий и различных происхождений.

Конечно, этот взгляд — совершенно неверный, если можно так выразиться, куцый, ибо история всюду показала, что экономические реформы нанизу никогда не даются без предварительных политических реформ наверху. Замечательно, что такой взгляд у крестьянства, который окончательно подорван событиями с 1903 г. и особенно злосчастным управлением Столыпина, провозгласившим, что все должно делаться лишь для сильных, а не для слабых, мог существовать в России в народе в начале XX столетия, когда этот фантастический взгляд, основанный на иллюзиях, пал уже во всех цивилизованных европейских странах, как взгляд несостоятельный [7, с. 483—484].

Витте выработал систему приемов критики Столыпина. В мемуарном тексте, а мемуары в отличие от дневников в перспективе всегда ориентированы на читателя, для воздействия на сознание потенциального читателя, Витте, используя ассоциации, формировал негативный образ Столыпина. Рассказывая об инженере В. В. Салове, действия которого характеризовались некомпетентностью и которому Витте посвятил полторы страницы в своих воспоминаниях, мемуарист подчеркнул, что «человек он был, несомненно, умный, толковый и знающий, но *практически мало был знаком с делом*», в чем и был похож на Столыпина [9, с. 199]. Витте отметил, что император Александр III считал начальника управления железных дорог инженера Салова главным виновником катастрофы царского поезда в Борках около Харькова. Витте пугал читателей неизбежностью катастрофы, когда люди, подобные Столыпину и Салову осуществляют руководство делом.

Определяя природу, характер власти и силу Столыпина, Витте видел их не в личных достоинствах Петра Аркадьевича, а в использовании им патриархальных, давно себя изживших и неэффективных способов родового управления, что, с его точки зрения, негативно сказывалось на политической системе России в целом. «Салов, чтобы иметь силу, делал еще и то, что, пожалуй, делает ныне Столыпин. Столыпин всюду, чтобы иметь силу, сажает своих родичей, чтобы они слушались его и не могли его критиковать...», — писал Витте [9, с. 199].

Попытка Витте «смягчить» свое очевидное предубеждение к Столыпину оговоркой, что «по способностям, теоретическим знаниям и трудолюбию Салов был гораздо выше своих товарищей; он был в этом смысле человек выдающийся», выглядит насмешкой и лишь фокусирует ситуацию. В отношении Столыпина оценка Витте очевидна: он отказывал Столыпину в качествах государственного деятеля и наличии у него государственных взглядов. Сравнение Столыпина и Салова потребовалось Витте для того, чтобы лишний раз подчеркнуть незаслуженное занятие Столыпиным высших государственных постов в империи. Далее следовало разъяснение, почему судьбы у обладавших в глазах Витте равных способностей Салова и Столыпина сложились по-разному. Витте высказал сожаление о том, что у Салова не было возможности проявить себя на высших государственных постах, поскольку император Александр III передал Николаю II свое «недоброжелательное чувство» к Салову, после чего последний не смог нигде получить «никакого» назначения. К большой досаде Витте подобного препятствия Столыпин не имел. В результате «по мере вкушения ядовитого плода — власти, почета и материальных благ, ценных для всех его родичей, в особенности родичей его супруги» [О.Б. Нейгардт] Столыпин постепенно «спускал свой конституционный и рыцарский флаг» [8, с. 112].

Витте не упускал случая, чтобы подчеркнуть слабость Столыпина — администратора и премьера, его своеволие и действия в соответствии с принципом «как в данный момент у него действует желудок». Витте пытался представить Столыпина импульсивным политиком, действующим «ни с того ни с сего». Более того, Витте подчеркивал беспринципность Столыпина. По его словам, она проявлялась в том, что тот «не из тех политиков, которые сами уходят... проглотит решение государя», пойдет на любые меры, идущие от правых, «все слухи о том, будто Столыпин оставит свой пост... оказались пустой буффонадой». Тем не менее и Витте был вынужден согласиться, что не все «безобразия» периода первой русской революции вершил Столыпин.

По мнению Витте, личная некомпетентность Столыпина неизбежно влекла за собой некомпетентность привлеченных сотрудников. Данная логика рассуждений давала Витте аргументы ставить в вину Столыпину его кадровую политику, приводившую к назначению на посты не знающих дела людей. Со всеми новыми министерскими назначениями Столыпина Витте был принципиально не со-

гласен. Не подвергались его критике только те министры, которые вошли в правительство еще при Витте и сохранили свое место в правительстве Столыпина, причем наблюдавшейся в данном случае кадровой преемственности не отдавалось должного.

Своим «природным», развитым «нюхом» Витте был доволен:

Я имел счастье вообще, где бы я ни служил, приглашать талантливых сотрудников, что, по моему мнению, составляет одно из самых главных и необходимых достоинств администраторов по крупным делам, а по государственным в особенности.

Собственный талант Витте противопоставлял бездарности:

Лица, которые не умеют выбирать людей, не имеют нюха к людям, которые не могут оценить их способностей и недостатков, мне кажется, не могли бы быть хорошими администраторами и управлять большим делом [8, с. 142—143].

«Как известно, — писал Витте, — Столыпин, в особенности в первое время, все искал лиц, бывших прежде моими сотрудниками, этих лиц он выдвигал, рассчитывая, что, будучи в моей школе, они многое от меня заимствовали» [8, с. 365].

Отставник Витте, подчеркивая свой «либерализм», использовал самооценки человека, «способного плыть против течения», допуская возможность «движения против течения в правильном направлении». Позитивно оттеняя собственную позицию, Витте подчеркивал в качестве своего преимущественного и принципиального отличия от Столыпина — личную «опальность». Петру Аркадьевичу был брошен упрек в том, что тот не чувствовал себя по отношению к власти во внутренней оппозиции. В глазах Витте именно поэтому Столыпин был для власти подходящей фигурой, и с его помощью осуществлялась заведомо ошибочная политическая линия. Витте писал:

Столыпин, конечно, не мог удержаться на скользком пути игры в честный либерализм и пожертвовал для материальных личных благ своими quasi-либеральными и конституционными убеждениями, и пошел по тому пути, по которому стеснялись идти даже такие его предшественники, как граф Д. Толстой, И. Дурново и Плеве. Если эти лица и шли по пути крайнего консерватизма и иногда не брезговали для сего средствами, то не корчили из себя политически-целомудренных Вельминов [8, с. 508].

Витте считал для себя невозможным принимать людей, которые служат «при водворившемся режиме вообще и в частности при режиме Столыпина». Они, с его точки зрения, не могли быть «порядочными и самостоятельными».

Если свести воедино все приемы критики Витте личности Столыпина, то цельность им придает только одно — негативные характеристики. Однако каждая такая оценка нарушает целостность образа, которого стремился добиться Витте. Один из его любимых приемов — вложить в уста другого важную для него (Витте) мысль. Так, сущностная характеристика личности Столыпина была по просьбе Витте дана И. Л. Горемыкиным. На вопрос Витте, «что из себя представляет Столыпин», Горемыкин ответил: «Тип приспособляющегося провинциального либерального дворянина» [8, с. 91].

Наиболее доброжелательная характеристика Столыпину как человеку «порядочному, но недалекому» была сформулирована Витте следующим образом: «Вся система государя это, если можно так выразиться, качание на политических качелях. Теперь государь качается на качелях, на одной стороне которой находится порядочный, но недалекий Столыпин, а на другой — негодай, тип лейб-кабатчика — Дубровин» [7, с. 347]. И еще одно виттевское определение:

Столыпин был человеком с большим темпераментом, человеком храбрым, и пока ум и душа его не помutilись властью, он был человеком честным... Столыпин погиб не как Сусанин, а как погибали и погибают сотни государственных деятелей, которые употребляют данную им власть не на пользу государства и народа, но в пользу своего личного положения, а применительно к Столыпину надо сказать: в пользу не столько своего личного положения, как в пользу положения своих многочисленных родственников, из которых многие представляют собою лиц не первой пробы [8, с. 558].

Появление во власти такой фигуры, как Столыпин Витте считал возможным только как следствие цепи исторически ошибочных решений. К ним он отнес саму мысль учреждения института земских начальников при Александре III, основанную на «первичной погрешности», которую видел в том, что «в культурном государстве невозможно... смешивать власть административную с властью судебной; власть судебная должна быть независима, так как справедливый суд может быть только при его независимости...».

Витте не отказал себе в удовольствии сообщить о признании Столыпина значения самого Витте. По этому поводу он заметил: «Я, по мнению Столыпина, оказал громадную услугу правительству». Антигерой Витте оказался более объективным.

Список источников и литературы

1. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
2. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
3. *Кризис самодержавия в России. 1895—1917.* Л., 1984.
4. *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.
5. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
6. *Лачаева М.Ю.* Витте Сергей Юльевич // Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия. М., 2011.
7. *Витте С.Ю.* Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 2.
8. *Витте С.Ю.* Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 3.
9. *Витте С.Ю.* Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 1.
10. *Фонд* изучения наследия П.А. Столыпина. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=328 (дата обращения: 07.02.2014).